

Список литературы

1. Поспелова О.В. Политическая онтология и ее методолого-теоретический контекст // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – СПб., 2009. – Т. 2, № 3. – С. 202–211.
2. Blaser M. Ontology and indigeneity: On the political ontology of heterogeneous assemblages // Cultural geographies. – London, 2014. – Vol. 21, N 1. – P. 49–58.
3. Hay C. Neither real nor fictitious but «as if real»? A political ontology of the state // The British journal of sociology. – London, 2014. – Vol. 65, N 3. – P. 459–480.
4. Hay C. Political ontology // The Oxford handbook of contextual political analysis / Ed. by R.E. Goodin, Ch. Tilly. – Oxford; New York: Oxford univ. press, 2006. – P. 78–96.
5. Kauppi N. The political ontology of European integration // Comparative European politics. – Houndmills, 2010. – Vol. 8, N 1. – P. 19–36.
6. Marres N. Why political ontology must be experimentalized: On eco-show homes as devices of participation // Social studies of science. – London, 2013. – Vol. 43, N 3. – P. 417–443.
7. Stanley L. Rethinking the definition and role of ontology in political science // Politics. – Oxford, 2012. – Vol. 32, N 2. – P. 93–99.

2016.03.017–020. ВЗАИМООТНОШЕНИЯ СТРУКТУРЫ И АГЕНТНОСТИ КАК ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОНТОЛОГИИ. ВВЕДЕНИЕ В ТЕОРИЮ ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТРАЕКТОРИИ ПРЕДШЕСТВУЮЩЕГО РАЗВИТИЯ. (Реферативный обзор)¹.

2016.03.017. FUCHS S. Beyond agency // Sociological theory. – Thousand Oaks (CA), 2001. – Vol. 19, N 1. – P. 24–40.

2016.03.018. GREENER I. The potential of path dependence in political studies // Politics. – Hoboken (NJ), 2005. – Vol. 25, N 1. – P. 62–72.

2016.03.019. HAY C. Political ontology // The Oxford handbook of contextual political analysis / Ed. by R.E. Goodin, Ch. Tilly. – Oxford: Oxford univ. press, 2006. – P. 78–96.

2016.03.020. MAHONEY J., SNYDER R. Rethinking agency and structure in the study of regime change // Studies in comparative international development. – Berlin; New York, 1999. – Vol. 34, N 2. – P. 3–32.

¹ Реферативный обзор подготовлен в рамках исследовательского проекта «Исследование взаимоотношений власти и общества в России в ракурсе политической онтологии», осуществляемого при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 15-03-00008 а).

Ключевые слова: политическая онтология; структура; агентность; интенционализм; волюнтаризм; структурализм; смена политических режимов; теория зависимости от траектории предшествующего развития; морфогенетическая социальная теория.

Политическая онтология изучает политическое бытие; она исследует, что собой представляет существующая политическая реальность, какова она, из каких элементов состоит. Тем самым, в сравнении с эпистемологией (характеризующей условия получения знания о политической реальности, т.е. что мы можем знать о социальном и политическом мире, насколько мы можем быть уверены в сделанных относительно него выводах и в какой мере эти выводы могут быть распространены за пределы данного частного случая) и методологией (сопряженной с выбором определенной аналитической стратегии и структуры исследования), онтология являет собой наиболее глубокий пласт политологии. Согласно Колину Хей (профессору политического анализа в Шеффилдском университете, Великобритания), в зависимости от того, какова его идея политической реальности, исследователь будет организовывать свое исследование, отбирать материал, оценивать его исходя из тех или иных теорий и т.п. (019). Исследователь может отдавать себе отчет о пресуппозициях, лежащих в основе его научной деятельности, либо нет. Вместе с тем, отмечает Хей, в последние годы политологическая дисциплина стала более рефлексивной, что создает условия для развития онтологической перспективы в политологии.

Опираясь на одно из первых исследований по вопросам онтологии, осуществленное У. Мäки в рамках экономической дисциплины¹, К. Хей обозначает следующие основные онтологические вопросы в политологической области: 1) каковы составляющие политики и каким образом они между собой взаимодействуют; 2) каковы принципы ее функционирования и как в ней происходят изменения; 3) какова природа политической причинности; 4) что руководит действиями политических акторов; 5) в каком смысле

¹ Mäki U. Economic ontology: What? why? how? // The economic worldview: Studies in the ontology of economics / Ed. U. Mäki. – Cambridge: Cambridge university press, 2001. – P. 3–14.

можно говорить об индивидуальном выборе и о действии социальных институтов; 6) являются ли какие-либо из обозначенных явлений историческими и культурными универсалиями или же они зависят от контекста.

Согласно Хейю, исследование в области политологии должно быть организовано следующим образом. Исследователь должен сначала прояснить свою онтологическую позицию, иными словами свои представления о природе тех политических явлений, которые он намерен изучать, затем определить границы постигаемости этих явлений и, наконец, определить способы получения знания о данных политических явлениях. Кроме того, исследователь должен осознавать, что ни одно исследование не является нейтральным и объективным, и наши идеи относительно определенного политического контекста влияют на наше собственное поведение и могут впоследствии способствовать изменению данного политического контекста (что, кстати говоря, актуально для теорий политических изменений). На примере постмодернистского исследования Хей выстраивает модель взаимодействия трех ветвей философии: онтология (разными людьми мир воспринимается по-разному, индивидуальный опыт зависит от культурного контекста) – эпистемология (знание гетерогенно, единая истина отсутствует, попытки навязать единую истину несут в себе тоталитарный потенциал) – методология (деконструктивные техники способствуют разрушению метанарративов и позволяют зазвучать голосам маргинальных других).

К основным онтологическим дебатам в политической науке Хей относит взаимоотношения материального и идеального, индивида и группы и, наконец, структуры и агентности. Проблемам взаимоотношения структуры и агентности принадлежит к классическим, давно и широко обсуждаемым вопросам в социальной философии, а затем и социологии и политической науке. На одном полюсе находится интенционализм (любо волюнтаризм), который кладет во главу угла интенцию и свободную волю действующего субъекта, на другом – структурализм, который полагает определяющим влияние социальных структур, от мировых систем и национальных культур до политических институтов. Для многих исследователей, не занимающих ни одну из крайних позиций, положительное решение этой оппозиции так и остается невыполнимой задачей. Вместе с тем Хей отмечает любопытный момент:

интенционализм и структурализм могут сближаться в большей мере, чем можно было представить. Казалось бы, трудно найти подход, тяготеющий к агентности больше, чем теория рационального выбора: решение принимается сознательными, рефлексизирующими акторами. Однако принимаемое решение является наиболее рациональным и оптимальным с учетом сложившихся обстоятельств, тем самым действия индивидов определяются условиями, в которых они действуют, и оказываются предсказуемыми.

В реферируемых статьях делается попытка разрешить ключевое онтологическое противоречие между структурой и агентностью. Штефан Фукс (Виргинский университет, г. Шарлотсвилл, США) рассматривает агентность и структуру, иначе уровни «микро» и «макро», в качестве временных полюсов одного континуума, подвижных и взаимодействующих между собой (017). Во введении к статье автор делает небольшой обзор данной проблематики в общественных науках. Он, в частности, указывает, что разделение современного общества на «жизненные миры» (уровень «микро») и «системы» (уровень «макро») было теоретизировано Ю. Хабермасом¹. По Хабермасу, акторы действуют, но на их действия накладываются структурные ограничения, важнейшими из которых ученому видятся деньги рынков и власть государств. В отличие от жизненных миров, социальные структуры непостижимы для самих акторов и требуют отстраненного теоретического анализа. С точки зрения сторонников теории рационального выбора, макроструктуры – это не что иное, как совокупность действий индивидов². А согласно этнометодологии, они представляют собой «суммарные репрезентации» микрореальностей³. Таким образом, агентность (индивидуальные акторы и небольшие группы) сопрягается с мотивами, интенциями, пониманием, а структуры (стратификации, организации и пр.) – с причинами, механизмами, объяснением.

¹ Habermas J. The theory of communicative action: In 2 vols. – Boston (MA): Beacon press, 1984–1987.–465; 457 p.

² Coleman J. Foundations of social theory. – Cambridge (MA): Harvard univ. press, 1990. – 1014 p.

³ Cicourel A. Notes on the integration of micro- and macro-levels of analysis // Advances in social theory and methodology: Toward an integration of micro- and macro-sociologies / Ed. K. Knorr-Cetina, A. Cicourel. – Boston (MA): Routledge & Kegan Paul, 1981. – P. 51–80.

При этом автор полагает, что корень существующих проблем в исследованиях взаимоотношений структуры и агентности лежит в их жесткой оппозиции. В частности, с его точки зрения, заблуждаются те, кто считает, что агентность лишена структуры: этнометодология продемонстрировала, что интеракции — это высокоструктурированные феномены, характеризующиеся набором ритуальных действий (начало, завершение, смена ролей и пр.). Категории «микро» и «макро» относительно и взаимозависимы: например, крупная организация включает в себя множество мелких групп и т.п. Если брать за основу агентность, возникает немало вопросов. Насколько конкретной и поддающейся эмпирическому исследованию может быть категория «свободной воли»? Что такое интенция, как она формируется, в какой мере она определяет действие? Теория социальных систем Н. Лумана и сетевой анализ (Х. Уайт) обходятся без агентности. По Луману, индивид может сказать или написать что-либо, однако последующее будет определяться ходом («поведением») коммуникации, а не индивидуальным сознанием. С точки зрения сетевого анализа взаимодействие происходит не между индивидами во всей полноте их биографии, а между ролями, статусами и ожиданиями. Актеры тем самым могут выступать не как источник, а как результат социальных процессов. По мнению автора, теоретизирование по поводу агентности часто заводит исследователей в тупик, в то время как структурный подход в качестве базы обладает значительными объяснительными возможностями: например, можно утверждать, что тотальные институты за счет повторяющегося дисциплинирующего воздействия подавляют интенцию, в то время как плюралистские среды предоставляют актерам большую свободу действий. Свое влияние, как отмечает автор, оказывает и позиция исследователя: чем ближе он находится к объекту исследования (полевые исследования, включенное наблюдение в противовес, скажем, анализу статистических данных), тем больше он склонен описывать изучаемые явления в терминах агентности, а не структуры. Затрагивая вопрос выдающейся, гениальной личности в истории, автор призывает не забывать, что часто мы имеем дело не с отдельными индивидами, а с целыми школами, течениями, а также целыми периодами, когда совершались открытия, происходили прорывы в различных областях культуры. Репутацию гения человек получает в обществе. Тем

самым Ш. Фукус выступает против преувеличения роли агентности. Свою позицию в вопросе о взаимоотношениях структуры и агентности он резюмирует следующим образом: 1) агентность и структура, «микро» и «макро» – это не оппозиции, а вариации на протяжении одного континуума; 2) оптика агентности / структуры может зависеть от позиции исследователя; 3) «агентность» возрастает, когда числа малы, дистанция коротка, а отношения близки; 4) «структура» усиливается, когда числа становятся больше, расстояние между наблюдателем и наблюдаемыми увеличивается и наблюдатель начинает применять более механистические, детерминистские объяснительные схемы.

Джеймс Махони (Северо-Западный университет, г. Эванстон, шт. Иллинойс, США) и Ричард Снайдер (Брауновский университет, г. Провиденс, шт. Род-Айленд, США) решают проблему соотношения структуры и агентности в рамках исследований смены политических режимов (022). По их утверждению, маятник предпочтений в политической науке колеблется то в сторону волюнтаризма, то в сторону структурного направления, что побуждает некоторых ученых к попыткам синтеза данных подходов. Авторы рассматривают три возможных стратегии подобного синтеза.

Как указывают авторы, в первую фазу исследований смены политических режимов доминировали структурные подходы, которые объясняли данные процессы действием таких факторов, как класс, социальный сектор и мировая политэкономия. Большей частью они были связаны с теорией зависимости и стремились объяснить рост авторитарных режимов в 1960–1970-х годах¹. Затем на первый план вышли волюнтаристские подходы, которые делали акцент на решениях, принимаемых ключевыми игроками, участвовавшими в смене режимов². Авторы призывают интегрировать две эти позиции, поскольку «человеческая агентность – это единственная движущая сила» социальных процессов, но «реализуется она

¹ O'Donnell G. Modernization and bureaucratic-authoritarianism: Studies in South American politics. – Berkeley (CA): Institute of international studies, 1973. – 219 p.; Schmitter Ph. C. Still the century of corporatism? // Rev. of politics. – Notre Dame (IN), 1974. – Vol. 36, N 1. – P. 85–131.

² O'Donnell G., Schmitter Ph. Tentative conclusions about uncertain democracies. – Baltimore (MD): John Hopkins univ. press, 1986. – 208 p.

только в конкретных исторических обстоятельствах»¹. Концептуальную базу волюнтаристского и структурного подхода, соответственно, они представляют следующим образом: в первом случае агентность выступает как недостаточно социализированная, а структура являет собой сдерживающий фактор, во втором случае агентность в высшей мере социализирована, а структура является порождающей силой. В качестве объяснительной переменной в волюнтаристском подходе используется субъективное состояние акторов, в структурном – объективные условия; причины рассматриваются близкие в первом случае и далекие – во втором; в качестве метода избирается идеографический и номотетический соответственно. На уровне анализа структурные подходы оперируют такими категориями, как макроструктуры (положение в мировой системе, национальная культура), национальные структуры (классы), институты (партийные системы, армия); представителей волюнтаристских подходов, в свою очередь, интересуют социальные группы (военные фракции, социальные движения, этнические группы) и непосредственно лидеры (правительство, партия, военные лидеры). По мнению Махони и Снайдера, эти подходы возможно интегрировать. Они анализируют потенциал трех интегративных стратегий: стратегии «воронки» (funnel strategy), стратегии, основанной на зависимости от траектории предшествующего развития (path-dependent strategy), и эклектической стратегии.

Стратегия «воронки» основывается на постепенном нисхождении от макроструктурного уровня анализа к уровню, на котором исследуются действия отдельных лидеров; причем если на высшем уровне набор причин исключительно широк, то спектр потенциальных результатов на низшем уровне уже максимально ограничен, так что образуется своего рода воронка. Переход к следующему уровню осуществляется, когда объяснительные возможности предыдущего уровня исчерпаны. При этом поскольку «уровень лидеров» выступает в качестве последнего этапа анализа, может создаться впечатление, что именно решения лидеров служат ключевым аргументом, тем самым, с точки зрения Махони и Снайдера, в рамках данной стратегии возникает определенный волюн-

¹ Dessler D. What's at stake in the agent-structure debate? // International organization. – Cambridge, 1989. – Vol. 43, N 3. – P. 443.

таристский дисбаланс. Еще одним возможным недостатком рассматриваемой стратегии, по мнению авторов статьи, является ее односторонний характер: анализ осуществляется в одном направлении, и влияние последующих уровней на предыдущие не предполагается¹.

Стратегия зависимости от траектории предшествующего развития устанавливает причинную связь между сменой политического режима и отстоящими от нее по времени событиями. В рамках данной стратегии исследователей интересуют критические моменты, точки бифуркации, в которых политический процесс сформировал структуры и институты, определившие последующую траекторию политических изменений. Кроме того, оказывается возможным проследить траектории, по которым историческое развитие не пошло. К ограничениям рассматриваемой стратегии авторы относят прежде всего тот факт, что в данном случае предпочтение отдается структуре в ущерб агентности. Политические институты, представляющие собой мезоуровень анализа и располагающиеся между акторами и макроструктурами, выступают в качестве «носителей прошлого» (020, с. 17). Акторы же, согласно данному подходу, получают определенную свободу действий лишь в критические моменты, в которые роль структур ослабевает. Р. и Д. Коллиеры изучают подобный критический момент в истории восьми латиноамериканских стран, когда на местную политическую арену выдвинулось рабочее движение².

Наконец, третья стратегия получила наименование эклектичной. Махони и Снайдер предостерегают сторонников этой стратегии от того, чтобы прийти к убеждению, что «все имеет значение» (020, с. 22). Так, авторы сборника «Демократия в развивающихся

¹ В качестве примеров данной стратегии Махони и Снайдер приводят следующие работы: *The breakdown of democratic regimes* / Ed. J.J. Linz, A. Stepan. – Baltimore (MD): Johns Hopkins univ. press, 1978. – 376 p.; *Crisis, choice and change: Historical studies of political development* / Ed. G.A. Almond, S.C. Flanagan, R.J. Mundt. – Boston (MA): Little, Brown & co., 1973. – 717 p.

² Collier R.B., Collier D. *Shaping the political arena: Critical junctures, the labor movement and regime dynamics in Latin America*. – Princeton (NJ): Princeton univ. press, 1991. – 321 p. Еще один приводимый авторами пример: Rueschemeyer D., Stephens E.H., Stephens J.D. *Capitalist development and democracy*. – Chicago (IL): Univ. of Chicago press, 1992. – 398 p.

странах» поставили себе задачу провести «исчерпывающее исследование исторических, культурных, социальных, экономических, политических и международных факторов, которые могут повлиять на формирование стабильной демократии» и, соответственно, проследить «всю траекторию политического развития той или иной страны»¹. В «Третьей волне»² С. Хантингтон пишет о «причинах», causes (способствующих развитию демократии социальных, экономических и международных структурных факторах) и «инициаторах», causers (политических лидерах и социальных группах, прямо или косвенно участвующих в демократическом процессе); тем не менее, как полагают Махони и Снайдер, действительной связи между теми и другими автору установить не удалось.

Подводя итог статье и намечая перспективы будущих исследований, Махони и Снайдер утверждают, что всецело интегративный подход должен зиждиться на принципиально иной, интегративной концептуальной основе, которая могла бы преодолеть идеи недостаточно или излишне социализированной агентности, а также взгляд на структуру как на сдерживающий либо порождающий фактор. Наиболее перспективной им видится идея, согласно которой структуры представляют собой ресурсы, а человеческая агентность – это способность видеть в структурных ресурсах источник инноваций и творчества и трансформировать их в сознательном, рефлексивном ключе; в этом направлении исследователям еще предстоит работать.

Иэн Гринер (Даремский университет, Великобритания) в своей статье исследует теорию зависимости от траектории предшествующего развития. Важной частью этого исследования становится проблема взаимосвязи структуры и агентности, как базовый онтологический вопрос. Для решения этой проблемы, а также с тем чтобы наметить перспективы дальнейшего развития теории зависимости от траектории предшествующего развития, Гринер привлекает морфогенетическую теорию М. Арчер, согласно которой социальная реальность пребывает в неизменно динамическом со-

¹ Democracy in developing countries / Ed. L. Diamond, J.J. Linz, S.M. Lipset. – Boulder (CO): Rienner, 1988–1989. – P. XIII, 4.

² Huntington S.P. The third wave: Democratization in the late twentieth century. – Norman: Univ. of Oklahoma press, 1991. – 384 p.

стоянии, с постоянным перетеканием форм и образованием все новых структур¹.

Основной посыл исторического институционализма, указывает автор статьи, состоит в том, что выбор, сделанный в то время, когда формировался тот или иной институт или формулировалась определенная политика, будет определять будущее этого института, этой политики и т.п.² В связи с этим исторический институционализм адаптировал теорию зависимости от траектории предшествующего развития. Последняя получила большое распространение в общественных науках – тем не менее ее употребление у различных авторов, отмечает Гринер, отличается непоследовательностью; отсутствует четкая аналитическая база. Типичные вопросы, которые критики задают сторонниками данного подхода, – это, в частности, как можно сойти с подобной принятой траектории и каким образом вообще происходят изменения, а также какова роль идей в данной теории (и историческом институционализме в целом). С точки зрения автора статьи, новую жизнь в эту теорию может вдохнуть морфогенетический подход, разработанный М. Арчер. Данный подход отличают две ключевые онтологические характеристики. Во-первых, морфогенетическая социальная теория признает взаимозависимость структуры и агентности. Тем самым на первой стадии морфогенетического цикла анализируются структурные и идейные влияния, которые можно вычленить в данной политической системе; затем устанавливается их связь с агентностью; наконец, на третьей стадии рассматривается результат этого взаимодействия. Во-вторых, в аналитических целях морфогенетическая социальная теория отдельно изучает обычно взаимосвязанные структурные системы (институты) и культурные системы (идеи).

В терминах морфогенетической теории, вероятность формирования зависимости от траектории предшествующего развития наиболее высока в ситуации, когда структурные и культурные

¹ Archer M. Morphogenesis versus structuration: On combining structure and action // *British j. of sociology*. – Oxford, 1982. – Vol. 33, N 4. – P. 455–483; Archer M. *Realist social theory: The morphogenetic approach*. – Cambridge: Cambridge univ. press, 1995. – 368 p.

² Hall P., Taylor R. *Political science and the three new institutionalisms* // *Political studies*. – Hoboken (NJ), 1996. – Vol. 44, N 4. – P. 936–957.

группы интересов (корпорации, общественные организации, группы влияния, лоббирующие ту или иную политику) взаимозависимы и стремятся сохранить свой статус, приносящий им все большие выгоды, что приводит к морфостазу. Однако здесь же скрыт и ресурс изменений: чем больше эти группы стараются «защитить» себя, тем больше усиливается оппозиция в отношении них; новые группы формируют свою идентичность и собственные идеи. Изменения могут произойти и под влиянием внешних факторов – например, значительных сдвигов в структурных социальных отношениях на уровне международной политической экономики (таких, как финансовые кризисы). На стадии создания группы, института и пр. вероятны возрастающие прибыли (в экономическом, социальном, политическом смысле), однако на стадии воспроизводства возможно только поддержание статуса-кво, и также не бесконечно. Согласно Х. Шварцу, для того чтобы сохранять все на прежнем уровне, требуются немалые затраты¹. Таким образом, механизм изменений заложен во взаимодействии между агентностью, структурной и культурной сферами. По мнению И. Гринера, теория зависимости от траектории предшествующего развития обладает потенциалом в том, что касается исследований развития организаций и политики в различных областях, отношений внутри институтов, оказывающих влияние на поведение индивидов, структурных и культурных условий их жизнедеятельности. Тем не менее ему представляется, что данная теория должна отражать более реалистичную картину социальных изменений и более выраженную агент-структурную динамику.

Я.В. Евсеева

2016.03.021. АЛБЕКЕРК А. ИНТЕРКУЛЬТУРАЛИЗМ, ПЕРСПЕКТИВЫ БИОЭТИКИ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА.

ALBUQUERQUE A. Interculturalism, bioethics perspectives, and human rights // Global bioethics. – Genève, 2014. – Vol. 25, N 2. – P. 81–94.

¹ Schwartz H. Down the wrong path: Path dependence, markets and increasing returns. – Mode of access: <http://www.people.virginia.edu/~hms2f/> (last download: 25.01.2015).